

2. Григорьева В. В., Струков Г. Н. Формирование антикоррупционного поведения в высших учебных заведениях как компонент обеспечения экономической безопасности страны // Воронежский государственный университет инженерных технологий. Воронеж, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanieantikorrupcionnogo-povedeniya-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-kak-komponentobespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti/viewer>

3. Леонтьева Э. О. Институализация неформальных практик в сфере высшего образования : дисс. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Хабаровск, 2010. 352 с.

4. Митин А. Н. О контроле за рисками коррупционного свойства в сфере высшего образования // Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontrole-zariskami-korrupsionnogo-svoystva-v-sfere-vysshego-obrazovaniya/viewer>

5. Носакова Е. С. Формирование антикоррупционного правосознания в системе мер противодействия коррупции // История государства и права. 2012. №9. С. 23–29.

6. Обращение Президента Российской Федерации — стенограмма // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/02/21/obrashchenie-prezidentarossijskoj-federacii-stenogramma.html>

7. Повный Д. А. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Челябинск, 2011. 23 с.

8. Пугач В. Н. Взаимодействие качества образования и экономической безопасности вуза : дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2010. 164 с.

9. Сергеева Ю. С. Формирование у студентов — будущих бакалавров юриспруденции компетентности в сфере противодействия коррупции : дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. М., 2018. 220 с.

10. Хайрутдинова Л. Р. Антикоррупционное образование в образовательной системе в России // Научно-исследовательский институт противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова. Казань, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnoe-obrazovanie-v-obrazovatelnoy-sistemerossii/viewer>

УДК 346.7

ББК 67.408.122.11

ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Коренная

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ст. 169 УК РФ — традиционная для современного российского законодательства норма. Она открывает гл. 22 и исходя из содержания призвана обеспечить реализацию базового конституционного права — права на свободное осуществление экономической деятельности. В настоящей статье автор рассматривает данную норму в разрезе евразийской интеграции. В настоящее время три из пяти стран — участниц Евразийского экономического союза разработали и приняли новые Уголовные кодексы (Кыргызстан, Казахстан, Армения). УК Республики Беларусь, несмотря на сохранение базовой редакции 1999 г., претерпел серьезные изменения. В уголовных законах стран Евразийского экономического союза в настоящее время отсутствуют самостоятельные нормы об уголовной ответственности за воспрепятствование предпринимательской или иной законной экономической деятельности. В связи с обозначенной целью союзных государств — интеграция экономического законодательства — возникает необходимость инвентаризации российского, в том числе уголовного,

законодательства в целях формирования уголовного закона на основе интеграционных принципов (интеграционная модель уголовного закона). В исследовании автор анализирует объективные и субъективные признаки ст. 169 УК РФ, а также дифференцирующие признаки и санкции данной нормы и приходит к выводу о необходимости декриминализации состава как частного случая злоупотребления должностными полномочиями с возможностью дополнения ст. 285 УК РФ соответствующим квалифицирующим признаком.

Ключевые слова: экономические преступления, интеграционная модель, воспрепятствование, Евразийский экономический союз.

THE INTEGRATION MODEL OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW ON LIABILITY FOR OBSTRUCTION OF ENTREPRENEURIAL AND OTHER LEGITIMATE ACTIVITIES

A. A. Korennaya

Altai State University (Barnaul, Russia)

Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation is a traditional norm for modern Russian legislation. It opens Chapter 22 and, based on the content, is designed to ensure the implementation of the basic constitutional right — the right to free exercise of economic activity. In this article, the author examines this norm in the context of Eurasian integration. Currently, three of the five member countries of the Eurasian Economic Union have developed and adopted new Criminal Codes (Kyrgyzstan, Kazakhstan, Armenia). The Criminal Code of the Republic of Belarus, despite the preservation of the basic edition of 1999, has undergone serious changes. The criminal laws of the countries of the Eurasian Economic Union currently lack independent norms on criminal liability for obstruction of entrepreneurial or other legitimate economic activity. In connection with the designated goal of the Union states — the integration of economic legislation — there is a need for an inventory of Russian, including criminal legislation in order to form a criminal law based on integration principles (integration model of criminal law). In the study, the author analyzes the objective and subjective signs of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the differentiating signs and sanctions of this norm and comes to the conclusion that it is necessary to decriminalize the composition as a special case of abuse of official powers with the possibility of supplementing Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation with the corresponding qualifying feature.

Keywords: economic crimes, integration model, obstruction, Eurasian Economic Union.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2023\)3.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2023)3.4)

Современные геополитические реалии внесли существенные коррективы в интеграционные процессы последних 30 лет российской государственности в направлении евразийских государств. Приоритетной задачей уголовно-правовой политики на сегодняшний день является формирование уникального национального законодательства на основе уже имеющегося правотворческого опыта уголовно-правовой охраны и регулирования отношений, не основанных на плановой модели экономики, с учетом сложившейся правоприменительной практики. Однако любая правовая система не существует в вакууме, и государство так или иначе интегрируется в те или иные союзы и объединения, что находит или, во всяком случае, должно находить отражение и в правовых нормах национального законодательства. Евразийский экономический союз относится к числу таких международных объединений. Несмотря на молодость этого межгосударственного объединения, в своей основе он имеет прочную историческую основу, общую теорию права, в том числе уголовного.

Одним из направлений развития Евразийского союза в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. является оптимизация внутреннего правового регулирования, которая включает в себя поэтапное упрощение и (или) упразднение избыточности внутреннего регулирования с применением наиболее прогрессивных правовых моделей государств — членов сою-

за. Значительная роль в подобной оптимизации должна быть отведена уголовному законодательству стран — участниц ЕАЭС о преступлениях в сфере экономической деятельности. В настоящее время говорить об унификации или хотя бы тенденции к унификации уголовного законодательства государств — членов ЕАЭС о преступлениях в сфере экономической деятельности не приходится. Российский уголовный закон, несмотря на многочисленные изменения, структурно и отчасти содержательно соответствует первоначальной редакции середины 90-х гг. прошлого века. Гл. 22 УК РФ открывается нормой о преступном воспрепятствовании законной предпринимательской и иной деятельности. Первоначальная редакция рассматриваемой нормы во многом повторяет положения ст. 254 Модельного Уголовного кодекса СНГ (Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств) от 17.02.1996 г., в соответствии с которой преступным признается воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, совершаемое путем неправомерного отказа в регистрации индивидуального предприятия или коммерческой организации либо уклонения от их регистрации, а равно неправомерного отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонения от его выдачи, противозаконного ограничения прав и интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица, а равно иного противозаконного вмешательства в их деятельность. Такие деяния должны быть совершены должностным лицом органов государственной власти или местного самоуправления с использованием своего служебного положения и повлечь причинение крупного ущерба. Отличием ст. 169 УК РФ от ст. 254 Модельного кодекса стран СНГ являлась конкретизация ограничения как формы выполнения деяния путем признания преступным ограничения деятельности только в связи с организационно-правовой формой или формы собственности. Состав ст. 169 УК РФ с момента принятия уголовного закона до настоящего времени является формальным, причинение крупного ущерба в результате противоправных действий образует квалифицированный состав.

Федеральным законом от 25.06.2002 г. № 72-ФЗ в ст. 169 УК РФ внесены существенные изменения: расширена сфера действия нормы — преступным признается воспрепятствование не только предпринимательской, но и иной законной деятельности, указание на коммерческую организацию в диспозиции статьи заменено на юридическое лицо.

Расширенный подход к установлению потерпевшего по уголовному делу и указание на должностное лицо в качестве субъекта преступления вызвали справедливую критику размещения нормы о воспрепятствовании законной предпринимательской и иной деятельности. Рассматриваемое преступление предложено разместить в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», что обусловлено признаками непосредственного объекта, под которым, в свою очередь, понимают конституционное право личности на свободу предпринимательской и иной экономической деятельности. В. И. Гладких указывает, что законодатель допустил серьезную классификационную ошибку, отнес ст. 169 к преступлениям в сфере экономической деятельности, так как субъектом рассматриваемого преступления является должностное лицо, совершившее преступление с использованием своего служебного положения, что позволяет отнести деяние к должностным, ответственность за которые предусмотрено в ст. 285 УК РФ [1, с. 35].

Представляется, что рассматриваемые нормы имеют сложную правовую природу: с одной стороны, совершение деяния, предусмотренного ст. 169 УК РФ, препятствует реализации конституционного права, что действительно, на первый взгляд, может свидетельствовать о совершении деяния, посягающего на такое право. Однако при рассмотрении вопроса об объекте необходимо исходить из содержания нарушенного конституционного права — права на свободное осуществление предпринимательской или иной экономической деятельности. Приоритет в данном случае отдан характеру осуществляемой деятельности, что и позволяет разместить нормы в главе о преступлениях в сфере экономической деятельности. Указанный подход мы видим и в других главах уголовного закона. С учетом расположения рассматриваемого преступления в гл. 22 УК РФ непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ, определим как общественные отношения, возникающие в связи с реализацией конституционного права на свободу осуществления экономической деятельности, равные права ее участников.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления включает в себя несколько альтернативных деяний, которые могут быть совершены как путем действия, так и бездействием. В ч. 1 ст. 169 УК РФ установлена ответственность за несколько альтернативных действий, их перечень по со-

держанию не является исчерпывающим. Межотраслевой анализ уголовного закона о нормах специального законодательства позволяет сделать вывод о том, что уголовная ответственность за отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица, уклонение от такой регистрации, а также отказ или уклонение от выдачи специального разрешения (лицензии) в равной мере: 1) не отвечают критериям общественной опасности, необходимой для криминализации деяния; 2) их фактическое совершение как минимум крайне затруднительно, если не невозможно; 3) существуют эффективные механизмы противодействия перечисленным противоправным деяниями неуголовно-правовыми средствами.

Первый способ выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 169 УК РФ, — отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица. В настоящее время в РФ регистрация индивидуальных предпринимателей осуществляется в упрощенном порядке.

Порядок государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей установлен Федеральным законом от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее по тексту — Закон о государственной регистрации № 129). В соответствии со ст. 1 Закона о государственной регистрации № 129 государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей — акты уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, приобретении физическими лицами статуса индивидуального предпринимателя, прекращении физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, иных сведений о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях в соответствии с настоящим Федеральным законом (далее по тексту — ЕГРЮЛ, ЕГРИП). Таким образом, государственная регистрация может быть четырех видов: 1) первичная регистрация (создание нового субъекта гражданского оборота — юридического лица, или возникновение специальной правоспособности у физического лица); 2) регистрация реорганизации (изменения организационно-правовой формы, статуса) юридического лица; 3) внесение в ЕГРЮЛ сведений об изменении в деятельности юридического лица, не связанные с внесением изменений в учредительные документы; 4) государственная регистрация ликвидации субъекта гражданского оборота.

В связи с тем что в диспозиции ст. 169 УК РФ содержится общая формулировка — государственная регистрация, представляется, что отказ или уклонение от всех вышеперечисленных видов государственной регистрации может образовывать объективную сторону рассматриваемого преступления.

В соответствии с п. 4 ст. 51 ГК РФ отказ в государственной регистрации юридического лица, а также во включении данных о нем в ЕГРЮЛ допускается только в случаях, предусмотренных законом о государственной регистрации юридических лиц. Основания для отказа в государственной регистрации предусмотрены в ст. 23 Закона о государственной регистрации № 129. Перечень оснований для отказа в государственной регистрации обширен, однако является исчерпывающим. Отказ в государственной регистрации по основаниям, не указанным в ст. 23, является неправомерным (в терминологии ст. 24 специального закона — необоснованным) и соответственно образует объективную сторону воспрепятствования законной предпринимательской и иной деятельности.

Уклонение от государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя реализуется в нарушении сроков регистрации, установленных законом. Срок государственной регистрации юридического лица зависит от вида регистрации: при государственной регистрации создания юридического лица, а также при регистрации индивидуального предпринимателя — не более трех рабочих дней, в остальных случаях — пяти рабочих дней (ст. 8, 9 Закона о государственной регистрации № 129). Представляется, что необоснованное приостановление государственной регистрации также может рассматриваться как уклонение. В юридической литературе уклонение рассматривается как форма пассивного поведения, выражающегося в несовершении действий по внесению соответствующих сведений в единые реестры [2, с. 5]. Однако, по нашему мнению, уклонение следует рассматривать и как активную форму поведения, выражающуюся в необоснованном приостановлении регистрации. Установление предельного срока государственной регистрации является одной из важнейших гарантий реализации права на осуществление экономической деятельности. Любое неправомерное нарушение такого срока является по своему содержанию уклонением

от государственной регистрации. В этой связи неправомерное приостановление регистрации может рассматриваться как уклонение.

В отношении некоммерческих организаций установлены особенности государственной регистрации. Так, в соответствии со ст. 13.1 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» решение о государственной регистрации (об отказе в государственной регистрации) некоммерческой организации принимается федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере регистрации некоммерческих организаций. Таким органом является Министерство юстиции РФ. Приказом Минюста России от 26.09.2022 г. № 199 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций» процедура регистрации некоммерческой организации также строго регламентирована. Перечень оснований для отказа в государственной регистрации некоммерческой организации шире, однако по содержанию и порядку восстановления права оба порядка регистрации схожи.

Отказ либо уклонение от выдачи лицензии имеет схожую, но не тождественную природу с выше рассмотренным способом совершения преступления. Осуществление деятельности на основании лицензии является проявлением специальной правоспособности и требует наличия у заявителя определенных ресурсов: материальных, физических, в том числе наличия профессиональных работников в штате и т. д. Порядок выдачи лицензии различается в зависимости от вида лицензируемой деятельности, однако имеет общую правовую природу и единый правовой механизм осуществления, за исключением более длительных сроков рассмотрения, а также более широкий круг оснований для отказа и приостановления процедуры. По своей правовой природе решения, принимаемые по результатам рассмотрения заявления о выдаче лицензии, являются ненормативно-правовыми актами, что позволяет применять к ним положения, аналогичные регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Следующей формой выполнения объективной стороны воспрепятствования предпринимательской и иной законной деятельности является ограничение прав и законных интересов в зависимости от организационно-правовой формы. Иные причины ограничения прав и законных интересов помимо организационно-правовой формы не могут быть квалифицированы по ст. 169 УК РФ. Самостоятельность юридического лица предполагает возможность действовать от своего имени в качестве самостоятельного субъекта правоотношений. Незаконное ограничение самостоятельности предполагает оказание влияния на принятие решений относительно осуществления коммерческой или некоммерческой деятельности. Подобный способ воспрепятствования очевидно является следствием непростого экономического перехода от плановой системы хозяйствования с участием государственных предприятий к рыночным. В период формирования действующего уголовного закона подобные деяния могли представлять достаточную для криминализации общественную опасность. Однако в настоящее время сложно смоделировать ситуацию, в которой участвуют два самостоятельных субъекта гражданского оборота и должностное лицо совершает действия, являющиеся ограничением прав, потому что одно из них имеет организационно-правовую форму — общество с ограниченной ответственностью. В этой связи представляется, что рассматриваемая форма объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 169 УК РФ, не соответствует эмпирическим критериям общественной опасности.

Иное незаконное вмешательство — единственный способ выполнения объективной стороны преступления, встречающийся в правоприменительной практике. отождествление категорий «воспрепятствование» и «вмешательство» ограничивает сферу применения ст. 169 УК РФ. Аргументируем свою позицию. В традиционном лексическом значении существительное «воспрепятствование» определяется через соответствующий глагол «воспрепятствовать», значение которого, в свою очередь — помешать, не дать ничего сделать, не допускать, сделать в чем-то помеху, воспротивиться, возбранить [3]. Воспрепятствование также результат такого действия [4]. Таким образом, существительное «воспрепятствование» либо отождествляется с соответствующим глаголом, либо является состоянием, следующим за осуществлением действия при достижении цели. Воспрепятствование возможно как в активной, так и в пассивной формах. Вмешательство, в свою очередь, непрошенное или насильственное участие в чужих делах, отношениях; действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого [5]. Разграничение воспрепятствования и вмешательства происходит:

- путем указания на различные формы поведения: вмешательство — только активная форма поведения, воспрепятствование возможно как форма действия, так и бездействия другого [6, с. 10];
- путем разграничения конструкций: воспрепятствование предполагает необходимость результата в виде невозможности реализовать субъективное право, при вмешательстве такой результат необязателен [7, с. 81].

Само незаконное вмешательство понимается в судебно-следственной практике крайне широко и зачастую не связано с непосредственным ограничением деятельности самого субъекта предпринимательской деятельности. Как ограничение самостоятельности юридического лица квалифицированы действия руководителя государственного учреждения, который расторг договор с обществом, выигравшим аукцион, но не сумевшим выполнить работы по благоустройству территории [8]. Нередко встречаются случаи совместной квалификации по ст. 169 и ч. 6 ст. 290 УК РФ, где вымогательство взятки оценивается как воспрепятствование законной предпринимательской деятельности. Как вмешательство в деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя квалифицируется обязывание уплачивать взносы на проведение, плата за осуществление распорядительных действий [9], отказ от заключения договоров [10].

В общем виде незаконное ограничение представляет:

- несовершение действий, которые должностное лицо должно совершить в рамках своих должностных обязанностей;
- совершение действий, не входящих в полномочия должностного лица.

Результатом таких действий является невозможность индивидуального предпринимателя или юридического лица реализовывать свою правоспособность и заниматься любыми видами деятельности, не запрещенными законом, на основании своей воли.

На первый взгляд криминализация подобных действий представляется обоснованной, а само деяние обладает необходимой общественной опасностью для признания его преступным. Однако в гл. 30 УК РФ в общих составах превышения и злоупотребления должностными полномочиями установлена ответственность за аналогичные деяния. Дифференциация ответственности в зависимости от правового статуса потерпевшего, по нашему мнению, является нарушением принципа равенства. Кроме того, установление уголовной ответственности за должностное воспрепятствование в гл. 22 УК РФ предполагает, что санкция за совершение преступления должна соответствовать общему подходу к ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, а не должностные преступления, что также не способствует формированию единообразной судебной практики.

Проблема соотношения и возможности (либо невозможности) совместного вменения ст. 169 и ст. 285, 286, 290 УК РФ является предметом научной дискуссии и не находит единообразного решения в правоприменительной практике. В. И. Гладких при рассмотрении вопроса о совместной квалификации рассматриваемых деяний приходит к выводу, что формальные основания для двойного вменения отсутствуют и преступления могут образовывать идеальную совокупность. Основывается такая позиция на том, что составы преступлений размещены в разных главах уголовного закона [11, с. 32–39]. А. А. Казакова и С. Ю. Кораблева придерживаются иного мнения и указывают, что рассматриваемые нормы конкурируют и соотносятся как общая и специальная. Позиция подтверждается ссылкой на позицию Верховного Суда РФ, изложенную в Определении от 08.06.2010 г. № 11-ДПР-10–18, в котором деяния перекалвалифицированы со ст. 285 на ст. 169 УК РФ с разъяснениями о том, что использование должностным лицом своего служебного положения при незаконном вмешательстве в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица влечет ответственность по ст. 169 УК РФ [12, с. 919–935].

В правоприменительной практике встречаются диаметрально противоположные решения: в одних случаях деяния, предусмотренные ст. 285, 286 и ст. 169 УК РФ, квалифицируются по совокупности преступлений [13]. В этом случае в приговорах содержится указание, что совершенное превышение или злоупотребление должностными полномочиями осуществляется в форме вмешательства в предпринимательскую (иную экономическую) деятельность. В других случаях суды исключают из обвинения ст. 169 УК РФ, указывая, что действия полностью охватываются составами ст. 285, 286 УК РФ [14].

В практической плоскости разграничение воспрепятствования законной предпринимательской и иной деятельности от злоупотребления и превышения должностными полномочиями возможно

только по потерпевшему (субъекту экономической деятельности). Представляется, что рассматриваемые преступления не могут образовывать идеальную совокупность преступлений. Воспрепятствование является общим понятием, злоупотребление и превышение являются способами воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности.

Таким образом, межотраслевой анализ уголовного закона и норм специального законодательства позволяет сделать вывод о том, что уголовная ответственность за отказ или уклонение от государственной регистрации, а также отказ или уклонение от выдачи специального разрешения (лицензии) в равной мере:

- не отвечают критериям общественной опасности деяний в сфере экономической деятельности;
- фактическое совершение деяния способами, перечисленными в диспозиции ст. 169 УК РФ, невозможно либо крайне затруднительно, либо совершается путем злоупотребления или превышения должностными полномочиями, ответственность за которые предусмотрена в гл. 30 УК РФ;
- действующим специальным законодательством предусмотрены эффективные механизмы противодействия воспрепятствованию предпринимательской или иной законной деятельности.

Как мы указывали выше, в современных уголовных законах стран — участниц Евразийского экономического союза самостоятельная норма об ответственности за воспрепятствование предпринимательской и иной законной деятельности отсутствует. Указанное позволяет сделать вывод о необходимости декриминализации ст. 169 УК РФ с дополнением ст. 285 УК РФ соответствующим квалифицированным составом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гладких В. И. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности: теоретико-прикладной анализ статьи 169 Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2021. № 2. С. 32–39.
2. Гришаев С. П. Государство как участник гражданско-правовых отношений // СПС «Консультант Плюс».
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 14.08.2023).
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 14.08.2023).
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 14.08.2023).
6. Ким В. В. Уголовно-правовое обеспечение независимой и безопасной деятельности по отправлению правосудия : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 11.
7. Коробейников А. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования : дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 81.
8. Приговор Глазговского районного суда Удмуртской Республики от 20.04.2017 г. по делу № 1–77/2017 // ГАС «Правосудие».
9. Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 14.04.2021 г. по делу № 1–161/2021 // ГАС «Правосудие».
10. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 27.03.2018 г. по делу № 22–1249/2018 // ГАС «Правосудие».
11. Гладких В. И. Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности: теоретико-прикладной анализ статьи 169 Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2021. № 2. С. 32–39.
12. Казакова А. А., Кораблева С. Ю. Статья 169 Уголовного кодекса Российской Федерации — имитация защиты предпринимательской деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 11. С. 919–35.

13. Постановление Ленинского районного суда г. Чебоксары от 10.01.2018 г.; Приговор Сосногорского городского суда Республики Коми от 12.09.2016 г., дело № 1–142/2016; Приговор Автозаводского суда г. Тольятти от 08.09.2016 г. // ГАС «Правосудие».

14. Приговор Октябрьского районного суда г. Саратова от 06.06.2017 г., дело № 1–51/2017; Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 29.10.2018 г., дело № 1–350/18 // ГАС «Правосудие».

УДК 343

ББК 67.408

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

А. Г. Максимов

Главное Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю (Барнаул, Россия)

Уголовно-правовые принципы являются концептуальной основой для формирования эффективного уголовного закона. В действующем российском законодательстве принципы получили нормативное закрепление, что является положительным, сами принципы в этой связи должны являться основой для формирования уголовно-правовых норм. Автор работы, применяя интеграционный метод, изучает принцип гуманизма как в общенаучном, так и в узкоотраслевом значении, исследует аксиологическое значение принципа гуманизма. Интегративный метод в научных исследованиях позволяет рассмотреть правовые явления, процессы, объекты правового регулирования на основе методологических подходов иных наук не только гуманитарного цикла, но и с использованием математических методов, приемов кибернетики. В статье анализируется уголовно-правовое значение принципа гуманизма с позиции соотношения кары и исправления, а также приоритетов реализации рассматриваемого принципа. Автор выделяет самостоятельные элементы, посредством которых реализуется аксиологическое значение принципа гуманизма в современном российском уголовном праве. К таким элементам относятся — содержательный, структурный, модельный.

Ключевые слова: принципы права, общетеоретическое значение гуманизма, принцип гуманизма, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания.

AXIOLOGICAL SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF HUMANISM IN CRIMINAL LAW

A. G. Maximov

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Altai Territory (Barnaul, Russia)

Criminal law principles are the conceptual basis for the formation of an effective criminal law. In the current Russian legislation, the principles have received normative consolidation, which is positive, the principles themselves in this regard should be the basis for the formation of criminal law norms. The author of the work, using the integration method, studies the principle of humanism, both in general scientific and in a narrowly sectoral meaning, explores the axiological meaning of the principle of humanism. The integrative method in scientific research allows us to consider legal phenomena, processes, objects of legal regulation on the basis of methodological approaches of other sciences, not only the humanities, but also using mathematical methods, techniques of cybernetics. The article analyzes the criminal-legal significance